

2026, № 07 (июль)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 261195

DOI 10.24412/2304-120X-2026-11195

УДК 37.015.3

Кибербуллинг как социально-педагогическое явление, деструктивно влияющее на формирование личностных качеств обучающихся

Cyberbullying as a socio-pedagogical phenomenon that has a destructive effect on the formation of students' personal qualities

Авторы статьи

Бобровникова Наталия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры психологии и педаго-
гики ФГБОУ ВО «Тульский государственный педаго-
гический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, Рос-
сийская Федерация
vicious.angel@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5192-3882

Хрипкова Анастасия Дмитриевна,
студент ФГБОУ ВО «Тульский государственный педа-
гогический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула,
Российская Федерация
nastkhr@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9402-0677

Authors of the article

Natalia S. Bobrovnikova,
Senior Lecturer, Department of Psychology and Peda-
gogy, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula,
Russian Federation
vicious.angel@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5192-3882

Anastasia D. Khripkova,
Student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russian Federation
nastkhr@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9402-0677

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан.

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Бобровникова Н. С., Хрипкова А. Д. Кибербуллинг как
социально-педагогическое явление, деструктивно
влияющее на формирование личностных качеств обу-
чающихся // Научно-методический электронный жур-
нал «Концепт». – 2026. – № 07. – С. 333–348. – URL:
<https://e-koncept.ru/2026/261195.htm> – DOI:
10.24412/2304-120X-2026-11195

For citation

N. S. Bobrovnikova, A. D. Khripkova, Cyberbullying as a
socio-pedagogical phenomenon that has a destructive ef-
fect on the formation of students' personal qualities //
Scientific-methodological electronic journal "Koncept". –
2026. – No. 07. – P. 333–348. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261195.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11195

Поступила в редакцию <i>Received</i>	30.04.26	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	19.06.26
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	19.06.26	Опубликована <i>Published</i>	31.07.26



Аннотация

Цифровизация становится частью современного мира, без которой уже сложно представить свою жизнь. В педагогике информационные технологии в основном рассматриваются как вспомогательное средство для реализации эффективного образования. Со стороны ребенка гаджеты удовлетворяют многие потребности, например в общении. В социальных сетях создаются группы и чаты, благодаря которым обучающиеся всегда на связи со сверстниками. Такая погруженность в цифровое пространство возвращает ключевой риск – кибербуллинг. Как показывают исследования, столкновение с этим явлением в школе оставляет отпечаток на всю жизнь. Цель исследования – выявление характера влияния кибербуллинга на личностные особенности обучающихся в образовательной среде. Исследование базируется на подходах отечественных и зарубежных ученых. Так, теоретически отмечается значительное воздействие процессов кибербуллинга на личность обучающихся, успеваемость. Важно отметить, что такие случаи интернет-травли сопровождаются отсутствием внимания со стороны взрослых. Диагностический инструментарий представлен двумя методиками: «Опросником кибербуллинга и агрессии в интернете» и «Тестом Кеттелла, 14PF/HSPQ». При подборе материалов и методов исследования учитывались возрастные особенности, соответствие методики подростковому периоду. Полученные эмпирические данные были обработаны и представлены следующим распределением: большинство выборки имеет низкий уровень кибервиктимности (47%), низкий уровень киберагрессивности (49%), средний уровень негативных эмоций (45%), высокий уровень помощи взрослых (41%). Проводился корреляционный анализ по r -критерию Пирсона между шкалами методик и внутри одной методики «Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете». Нами были выявлены наиболее значимые взаимосвязи между: «Кибервиктимность»/«А»; «Негативные эмоции»/«I»; «Киберагрессивность»/«С»; «Киберагрессивность»/«Е»; «Помощь взрослых»/«J». Также внутри одной методики были статистически обоснованы следующие связи показателей: «Кибервиктимность» и «негативные эмоции» и «Помощь взрослых» и «Кибервиктимность»/«Негативные эмоции». Таким образом, через воздействие на компоненты, имеющие корреляцию с позицией жертвы или агрессора, можно осуществлять профилактическую работу. Теоретическое обоснование проблемы исследования представлено анализом отечественной и зарубежной научной литературы. Практическая значимость реализована в разработанном диагностическом инструментарии.

Ключевые слова

кибербуллинг, травля, подросток, личность, образование

Благодарности

Авторы выражают благодарность коллективу муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Центр образования № 22 – Лицей искусств» города Тулы за помощь в подготовке статьи.

Abstract

Digitalization is becoming a part of the modern world, without which it is difficult to imagine our life. In pedagogy, information technology is mainly considered as an auxiliary tool for the implementation of effective education. On the part of the child, gadgets satisfy many needs including communication. Groups and chats are created on social networks, thanks to which students are always in touch with their peers. Such immersion in the digital space creates a key risk – cyberbullying. Research shows that experiencing this phenomenon at school leaves a lifelong imprint. The aim of the study is to identify the nature of the influence of cyberbullying on the personal characteristics of students in an educational environment. The research is based on the approaches of domestic and foreign scholars. Thus, theoretically, there is a significant impact of cyberbullying processes on students' personality and academic performance. It is important to note that such cases of online harassment are accompanied by a lack of adult attention. The diagnostic toolkit is represented by two methods: the Questionnaire "Cyberbullying and Aggression on the Internet" and the "Kettell Test, 14PF/HSPQ". The selection of materials and research methods took into account age characteristics and the relevance of the methodology to adolescence. The empirical data obtained were processed and presented in the following distribution: the majority of the sample had a low level of cyber-victimization (47%), a low level of cyber aggression (49%), an average level of negative emotions (45%), and a high level of adult help (41%). A correlation analysis was made using the Pearson r -criterion between the scales of methods and within the same methodology "Questionnaire of cyberbullying and aggression on the Internet". We have identified the most significant relationships between: "Cyber-victimization" / "A"; "Negative emotions" / "I"; "Cyber aggression" / "C"; "Cyber aggression" / "E"; "Adult help" / "J". Also, the following relationships of indicators were statistically justified within the same methodology: "Cyber-victimization" and "negative emotions" and "Adult help" and "Cyber-victimization" / "Negative emotions". Thus, it is possible to carry out preventive work by influencing the components that correlate with the victim's or aggressor's position. The theoretical justification of the research problem is presented by the analysis of domestic and foreign scientific literature. The practical significance is realized in the developed diagnostic tools.

Key words

cyberbullying, bullying, teenager, personality, education

Acknowledgements

The authors would like to express their gratitude to the faculty of the Municipal Budgetary Educational Institution "Center of Education No. 22 - Lyceum of Arts" in Tula for their assistance in preparing this article.

Введение / Introduction

С каждым днем цифровое пространство получает все большее распространение. Современные технологии удовлетворяют многие потребности: начиная с общения, заканчивая дистанционным обучением. Цифровые возможности развивают педагогический потенциал, добавляя новые средства и методы обучения. Использование

интерактивных досок, красочных мультфильмов, наглядных схем привлекает внимание детей к образовательному контенту. Однако существуют и риски цифровизации образовательного пространства.

Кибербуллинг – травля в сети Интернет. Становится все более распространен среди школьников, особенно подросткового возраста. Такое преобладание цифрового взаимодействия обуславливается прежде всего анонимностью. Таким образом, явление интернет-травли довольно массовое, подвергнуться издевательствам в Сети может каждый обучающийся.

Объект исследования – процесс воспитания обучающихся в современной образовательной среде

Предмет исследования – кибербуллинг как социально-педагогическое явление, деструктивно влияющее на формирование личностных качеств обучающихся.

Цель исследования – выявить характер влияния кибербуллинга на личностные особенности обучающихся в образовательной среде.

Задачи:

1. Дать определение понятию «кибербуллинг», рассмотреть его структуру и виды.
2. Обосновать значимость темы в рамках образовательных учреждений, выделить стратегии профилактики.
3. Обосновать и разработать диагностический инструментарий для изучения личности обучающихся с высоким риском влияния кибербуллинга.
4. Представить анализ результатов эмпирического исследования.

Обзор литературы / Literature review

Впервые понятие кибербуллинга было введено Б. Белси в 2004 году, которое он определял как «использование информационных или коммуникационных технологий для преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения, намеревающегося нанести вред другим» [1].

В зарубежной практике вопрос кибербуллинга стоит довольно остро, имеется обширный научный опыт, теоретическое обоснование проблематики.

По мнению Л. Коутиньо, Я. А. Ленкастре и А. М. Томаса, кибербуллинг – это «агрессивное поведение, осуществляемое через цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-инструменты)» [2]. Примером такого поведения становятся травля, унижение, имитация личности, исключение из общения и другие формы агрессии. Дж. В. Патчин и С. Хиндуджа определяют кибербуллинг как «преднамеренное действие с целью нанесения травмы или повреждения, используя компьютеры, мобильные телефоны и другие электронные устройства против тех, кто не может предотвратить или остановить это поведение» [3].

Исследование кибербуллинга как явления в российской практике началось сравнительно недавно. Нет четкого понятийного аппарата, так как законодательно травля в сети Интернет еще не регламентирована. Однако многие ученые вносят вклад в развитие этого понятия.

Согласно И. С. Стукало, кибербуллинг – это «вид травли, подразумевающий под собой со стороны преследователя умышленное агрессивное, враждебное поведение на протяжении продолжительного времени, проявляющийся в форме принуждения, запугивания, вымогательства, группой или индивидом в сторону жертвы, лица, которое не способно себя защитить, используя современные информационные и коммуникативные технологии» [4].

А. В. Пунцева дает следующее определение: «кибербуллинг – это особый вид интернет-коммуникаций, включающий в себя намеренные оскорбления, угрозы, грубое обращение или насмешку в отношении одного или нескольких лиц при помощи современных средств коммуникации» [5]. Таким образом, В. Л. Назаров и Н. В. Авербух считают, что кибербуллинг имеет свою специфику и особенности, отличающие его от традиционного буллинга. Выделяются следующие критерии кибербуллинга: систематичность, регулярность; умышленность; дисбаланс сил; анонимность; публичное против частного (травля происходит на глазах публичного сообщества, а не в личной переписке) [6].

По мнению Д. Менин, А. Гуарини, К. Мамели и других, ключевым аспектом кибербуллинга является социальное доминирование, а не нанесение ущерба. В отличие от классического буллинга, где агрессор фокусирует восприятие на внешних проявлениях (сколько нанесено вреда), в онлайн-травле как жертва, так и агрессор отмечают значимость социальной динамики, где важно превалирование в отношениях [7].

В работе Н. В. Авербух отдельное внимание уделяется понятию «агрессия». По мнению исследователя, именно агрессивное поведение становится основанием для буллинга, однако его также легко перенести на интернет-пространство, например взлом аккаунтов или оскорбление контента. Отсюда можно выделить понятие «киберагрессия» [8]. По мнению Д. Н. Блиновой и О. Д. Гурина, киберагрессия – поведение, направленное на причинение вреда посредством электронных устройств одному человеку или группе лиц и воспринимаемое как оскорбительное, уничижительное, приносящее ущерб или нежелательное [9].

В более ранних работах понятия «киберагрессия» и «кибербуллинг» рассматривались как синонимичные, взаимозаменяемые. В современных исследованиях прослеживается тенденция к разделению этих понятий. Так, киберагрессия более широкое явление, направленное на нанесение вреда в сети Интернет, включающее в себя кибербуллинг. Основное отличие между выделенными научными понятиями – систематичность. По мнению К. Д. Хломова, Д. Г. Давыдова и А. А. Бочавер, кибербуллинг схож с буллингом в этом аспекте: действия преследователя повторяются регулярно, в отличие от киберагрессии, где действия могут быть разовым событием, реже повторяются [10].

Определение ролевой структуры кибербуллинга началось с работ Д. Олвеуса. Первоначально ученый разработал структуру буллинга, выделяя «школьного хулигана» («агрессор») и «мальчика для битья» («жертва»). Однако теория была дополнена и перенесена на кибербуллинг. Проанализировав научную литературу, можно выделить следующие роли:

1. Чистый преследователь (агрессор).
2. Чистая жертва.
3. Преследователь-жертва (категория участников, которым удалось принять обе роли).
4. Защитник (категория участников, стремящаяся оградить жертву от нападок преследователя).
5. Помощник агрессора (подстрекатели, подкрепляющие поведение агрессора).
6. Наблюдатель.

Особенный интерес вызывает позиция «преследователь-жертва». Чаще всего это агрессор, причиняющий вред другим людям, который сам ранее был жертвой буллинга или кибербуллинга. Сам Д. Олвеус назвал такую позицию «хамелеоны», поскольку человек может одновременно играть роль жертвы и преследователя, особенно в контексте кибербуллинга [11].

С. Ванг и К. Ким категорию «свидетели» в кибербуллинге подразделяют на защитников, помощников агрессора, наблюдателей (в отличие от других ролей, они нейтральны, не занимают чью-то сторону) [12].

Выбранный тип свидетеля определяется полученным опытом социального взаимодействия, волевой структурой, мотивами, характером личности и пр. Однако в исследованиях П. К. Смита отмечается, что девочки чаще занимают позиции защитника или наблюдателя, а мальчики – подстрекателя [13].

Можно выделить различия в позиции «свидетель» по гендерному признаку. В исследовании В. Л. Назарова и Н. В. Авербух отмечаются основные отличия реакции на травлю в Интернете среди мальчиков и девочек [14]. По результатам эксперимента можно сделать вывод, что мальчики, в отличие от девочек, более благосклонно отнеслись к поведению агрессора и помощника агрессора и, наоборот, более укоризненно – к позиции защитника. Также отмечается интересная деталь: девочки намного реже придают значение полу участника кибербуллинга, мальчики же более одобрительно относятся к активной позиции девочки (агрессор, защитник и др.), чем мальчика.

Классифицировать интернет-травлю можно по ее технической части. Например, П. К. Смит, Дж. Махдави, М. Карвалью, Н. Типпетт выделяют такие формы кибербуллинга:

- 1) буллинг текстовыми сообщениями;
- 2) буллинг в виде фотографий, сделанных при помощи мобильного телефона;
- 3) буллинг телефонными звонками;
- 4) буллинг по электронной почте;
- 5) буллинг в чате;
- 6) буллинг посредством обмена мгновенными сообщениями;
- 7) буллинг через веб-сайты [15].

Огромное распространение получила классификация видов кибербуллинга Р. Ковальски, С. Лимбер, А. Агатсон [16]. Выделяются следующие:

- Флейминг (перепалки), характеризующийся короткой длительностью, но яркой эмоциональной окраской. Это, как правило, негативные высказывания в процессе переписки двух и более человек на публичных серверах.
- Харассмент (нападки) – регулярные оскорбительные сообщения в адрес конкретного человека.
- Гриферы – онлайн-игроки, цель которых – испортить игровой процесс других людей, прервать получение игрового опыта. Это может выражаться в нападках или преследовании (например, разрушение игрового сервера).
- Клевета – распространение заведомо неверной и лживой информации в сети Интернет с целью унижения личности.
- Самозванство – вид кибербуллинга, при котором агрессор представляется от имени жертвы. Это может быть страница в социальных сетях с использованием личной информации жертвы или доступ к странице жертвы через получение пароля или иных способов. Таким образом, преследователь выстраивает негативные отношения, портит впечатление от лица жертвы.
- Киберсталкинг – преследование жертвы посредством социальных сетей или иных цифровых ресурсов с целью совершения нападения, избиения, изнасилования, запугивания.
- Секстинг – распространение в сети Интернет интимных фотографий.

- Кибертроллинг – размещение на публичных серверах неуместной информации (картинок, видео), вызывающее яркий эмоциональный отклик.
- Социальная изоляция – игнорирование жертвы путем исключения из публичных групп или бесед.
- Хеппислепинг – размещение и распространение видео со сценами насилия.
- Доксинг – поиск и распространение личной информации в публичных ресурсах без согласия жертвы.

В стенах образовательного учреждения вопрос кибербуллинга становится особенно актуальным. Безусловно, цифровое пространство и информационные технологии сделали процесс обучения более эффективным, удобным и интересным. Использование интерактивных образовательных игр, дистанционных технологий, различных онлайн-платформ для закрепления полученного на уроке навыка позволяет удовлетворить образовательные потребности. Но не стоит игнорировать основной риск цифровизации образования – кибербуллинг.

С помощью социальных сетей и компьютерных игр современный школьник может дистанционно общаться с друзьями, заводить новые знакомства, отдыхать после учебы и пр. Однако чем больше виртуальное пространство становится частью повседневности, тем больше социальных процессов туда переносится. Так, буллинг распространяется и в сети. По мнению В. Л. Назарова и коллег, там протекают все те же процессы, распространяются те же роли [17].

Дж. Барг и К. Маккенна отмечают: разница между школьным буллингом и кибербуллингом заключается в том, что во втором случае агрессор чувствует себя более безнаказанно, уверенно, что значительно повышает риск такого явления. Основная причина кроется в специфике интернет-травли – анонимности. Благодаря тому что школьник может скрыть свою личность, так как нет прямого контакта жертвы и агрессора, пропадает чувство ответственности за свои поступки и страх за последствия. Так, обидчик может сохранить хорошие отношения с педагогами и другими обучающимися, поскольку окружающие не смогут отследить его действий в Сети. В этом кроется следующая проблема интернет-травли: образовательному учреждению сложнее это выявить и контролировать [18].

В своем исследовании М. А. Новикова, А. А. Реан, И. А. Коновалов пришли к выводу, что частота участия в интернет-травле снижается к старшему школьному возрасту. Обосновывается это возрастными новообразованиями, благодаря которым такой агрессивный способ завоевания авторитета становится неприемлемым. Также выделяется аспект времени, которого все меньше в связи с экзаменами, к которым старшеклассники так усердно готовятся. Основной риск кибербуллинга приходится на 7–8-е классы [19].

Д. Б. Эльконин изучал подростковый возраст, где ведущим видом деятельности обозначил интимно-личностное общение, а основными возрастными новообразованиями становятся потребность в самоуважении, критическое отношение к окружающим, стремление к «взрослости», самооценка [20]. В этом возрасте особенно важны отношения, которые возникают между сверстниками, выяснение лидерских позиций в классе, первые симпатии. Все это только подкрепляет риск травли внутри школьного коллектива.

Н. С. Бобровникова, С. В. Пазухина, Т. И. Куликова выделяют следующие причины кибербуллинга среди подростков [21]:

1. Психологические факторы (желание самоутвердиться, выплеснуть негативные эмоции, изменить свой статус в группе, что только подкрепляется анонимностью,

благодаря которой обучающиеся не чувствуют ответственности, а из-за отсутствия прямого контакта не могут проявить эмпатию).

2. Социальные факторы (отношения в семье, в классе и пр.).

3. Технологические факторы (цифровые устройства и информационные ресурсы, создающие площадку для интернет-травли).

4. Культурные и медиафакторы (культура поведения, которая показывается в различных шоу и сериалах).

Н. С. Бобровникова описывает последствия кибербуллинга для его участников. Отмечается снижение психологического и физического здоровья. Подросток, подвергшийся влиянию интернет-травли, ставший жертвой, отгораживается от мира, вследствие чего значительно снижается самооценка, повышается тревожность, добавляются и соматические проявления в виде головных болей, например. Постоянное нахождение в роли жертвы кибербуллинга порождает ощущение безнадежности, что может детерминировать суицидальное поведение [22].

Таким образом, кибербуллинг становится острой проблемой современности. Сочетание половозрастных особенностей, психологических, технологических, социальных и культурных факторов значительно увеличивает риск столкновения с явлением киберагрессии. Педагогам и учителям действительно все сложнее отследить случаи травли в сети Интернет из-за специфики явления.

Была установлена статистически обоснованная корреляция между кибербуллингом и счастьем в школе. А. Рагуза было выявлено, что обучающиеся, ставшие жертвами кибербуллинга или агрессорами, обладают более низким уровнем счастья, нежели обучающиеся, не имеющие отношения к кибербуллингу. Также отмечается, что жертвы кибербуллинга имеют сниженную способность заводить друзей или новые знакомства, в отличие от агрессоров или обучающихся, не сталкивающихся с кибербуллингом [23]. Важно, что общий уровень счастья участников кибербуллинга был значительно ниже нормы независимо от роли (жертва или агрессор). Это говорит о том, что обе стороны, включаясь в это деструктивное явление, имеют определенные сложности. Так, можно прийти к выводу, что кибербуллинг – разрушительное явление, которое негативно сказывается не только личности обучающихся, но и на образовательном процессе. Пропуски уроков, сниженная учебная мотивация, низкий адаптивный потенциал – это все последствия кибербуллинга, с которыми может столкнуться обучающийся.

В результате исследования Р. Такизавы был сделан вывод, что кибербуллинг в школе оставляет огромный отпечаток на личности обучающегося, что сказывается на всей его жизни. Согласно статистике, большинство людей, ставших жертвой травли в школе, позже сталкиваются с различными проблемами, такими как нервозность, психические расстройства, соматические проявления и т. д. [24] Таким образом, проблема не только актуальная, но и значимая. Наиболее эффективная форма работы в школе с таким негативным явлением, как кибербуллинг, по мнению Е. И. Саниной и Е. А. Дегтяревым, профилактика [25]. Выделяются стратегии профилактики кибербуллинга.

В своем исследовании Э. М. Тэй отмечает связь кибербуллинга и академической успеваемости. Ученики, подверженные онлайн-травле, как правило, характеризуются сниженными учебными показателями. Это может быть связано с личностными переживаниями обучающегося, соматическими проявлениями стресса, нарушением взаимодействия со сверстниками. Так, интернет-травля приводит к игнорированию

обучающих и образовательных задач. Снижение учебной мотивации оказывает влияние на весь образовательный процесс. Также автор выявил связь между травлей в Интернете и отсутствием внимания со стороны взрослых (родителей, педагогов), что говорит о нарушении воспитывающих задач образования [26].

Основой последующей работы выступает установление доверительных отношений с обучающимися. В исследовании С. В. Остапчук, Е. В. Лопатиной отмечается, что осведомленность педагогов остается на низком уровне [27]. Жертвы травли не стремятся рассказывать о том, что происходит, из-за низкого уровня доверия, страха или стыда. Поэтому ключевой аспект лежит на тесном взаимодействии классного руководителя с обучающимися и с их семьями.

Следующая стратегия представлена мероприятиями, проводимыми не только с классом, но и с родителями. В качестве такой формы работы могут выступать не только информационно-просветительские аспекты, но и тренинги, направленные на развитие коммуникативной компетентности, сплочение коллектива, коррекцию и развитие, беседы. К такой психологической работе желательно привлекать и семьи, воздействие на школьника со стороны родителей – гарантия эффективности проделанной работы.

Также важным моментом, по мнению Н. С. Кудаковой, является обучение цифровой грамотности, поведению в социальных сетях, правилам пользования публичными информационными ресурсами. Развитие таких компетенций значительно снижает риск кибербуллинга [28].

Так, Т. А. Газизьянов и З. Р. Мансурова выделили необходимые шаги для снижения риска кибербуллинга в школе с юридической точки зрения [29]:

1. Информированность. Распространение информации о кибербуллинге, а именно пояснение, что это такое и как на это реагировать, поможет обучающимся вовремя распознать это негативное явление. Это специфика интернет-травли, можно заранее обучить ребенка правильно реагировать.

2. Контроль размещаемой информации. Необходимо проинформировать обучающихся о том, что в сети Интернет нельзя делиться слишком личной информацией, ведь она впоследствии может быть использована с целью шантажа или запугивания.

3. Ограничение информации о себе в Сети. Также не стоит размещать на странице в социальных сетях личную информацию. А использование настроек конфиденциальности еще больше снижает риск кибербуллинга.

4. Эмоциональное спокойствие. Правильная реакция на действия киберагрессора поможет предотвратить негативные последствия травли.

5. Контакты, оказывающие поддержку в случае необходимости. В случае, когда обучающийся подвергается интернет-травле, нужно иметь связь с людьми, которые могут оказать помощь: друзьями, семьей, специалистами.

6. Обращение в правоохранительные органы. Конечно, в настоящее время санкций за кибербуллинг не предусмотрено, однако привлечь киберагрессора к ответственности можно по разным основаниям, прописанным в законе РФ (например, клевета).

По мнению Е. А. Крамер, образовательное пространство через педагогическое воздействие осуществляет воспитание учащегося, а именно формирование важных для профилактики кибербуллинга личностных качеств. Основной задачей является воспитание индивидуальной ответственности за свои поступки, в т. ч. осознание последствий действий в сети Интернет. Такой воздействию осуществляется за счет сотрудничества всех участников образовательного процесса (привлечение родителей

или законных представителей); соблюдения целостности образовательного процесса, оптимального сочетания урочной и внеурочной деятельности; акцента на воспитании ответственности. Также Е. А. Крамер уделяет особое внимание важности единства всех сторон воспитания учащегося. Важно, чтобы родители и школа укрепляли личностные качества ребенка за счет общей поддерживаемой позиции [30].

С. Б. Лофтман, В. Эстберг и Б. Модин приходят к выводу, что вероятность возникновения кибербуллинга в школе значительно снижается при сильном руководстве. Администрация школы не только регулирует взаимоотношения и контролирует выполнение правил в образовательной организации, но и регулярно проводит воспитывающие мероприятия, выполняет задачи модернизации образовательного процесса. Формирование руководством благоприятных личностных качеств учащихся, позитивных взаимоотношений между учащимися – мера профилактики кибербуллинга [31].

Таким образом, ключевая роль в профилактике кибербуллинга принадлежит образовательному учреждению. Помимо отслеживания действий в Сети и личностных проявлений учащихся в стенах школы, педагоги также работают с семьями. Семейный фактор, по мнению В. Н. Бородиной, является важным аспектом формирования кибербуллинга [32]. Так, Т. С. Бутарёва рассматривает основные педагогические условия, необходимые для снижения риска насилия в семейном воспитании [33]:

- сотрудничество образовательных структур,
- рациональное распределение ролей по профилактике между всеми участниками образовательного процесса,
- контроль за благополучием семейных условий,
- регулярное диагностическое исследование, обеспечивающее раннее выявление негативных явлений,
- мониторинг детей «группы риска».

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

Исследование было проведено на базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Центр образования № 22 – Лицей искусств» города Тулы, выборку составили учащиеся 7-х классов. Приняли участие 53 человека, средний возраст респондентов 12,5 года. Из них 34 девочки (65%) и 19 мальчиков (35%). Выборка сформирована путем случайного отбора элементов генеральной совокупности (случайная).

Нами была разработана диагностическая программа исследования, представленная в табл. 1.

Таблица 1

Диагностическая программа исследования

Методика	Автор	Цель	Показатели
Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете [34]	А. А. Вихман, Е. Н. Волкова, Л. В. Скитневская	Изучение ролевой структуры деструктивного поведения в Интернете, и в частности ролевой структуры кибербуллинга	– Кибервиктимность – Негативные эмоции – Киберагрессивность – Помощь, участие взрослых
Тест Кеттелла, 14PF/HSPQ [35]	Р. Б. Кеттелл (адаптация: А. А. Рукавишников, М. В. Соколова)	Выявление 14 факторов личности, некоторые из них совпадают, а некоторые не совпадают со взрослой версией опросника	– Высокий уровень – Средний уровень – Ниже среднего – Низкий уровень

Результаты исследования / Research results

Для оценки влияния такого явления, как кибербуллинг, а именно ролевой позиции в нем, на формирование личности обучающихся нами была проведена диагностика, результаты которой представлены ниже.

Результаты диагностики по методике «Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение уровней выраженности аспектов участия в кибербуллинге

Уровень	Показатель	Кол-во человек	%
Шкала «Кибервиктимность»			
Низкий	0–8	25	47
Средний	8–16	22	42
Высокий	17 и выше	6	11
Шкала «Негативные эмоции»			
Низкий	0–4	10	19
Средний	5–8	24	45
Высокий	9 и выше	19	36
Шкала «Киберагрессивность»			
Низкий	0–8	26	49
Средний	8–16	16	30
Высокий	17 и выше	11	21
Шкала «Помощь, участие взрослых»			
Низкий	0–3	13	25
Средний	5–6	18	34
Высокий	7 и выше	22	41

Изучив данные методики, можно прийти к выводу, что большая часть выборки обладает низким уровнем кибервиктимности (47%), однако остается еще средний (42%) и низкий (11%) уровни. Кибервиктимностью характеризуются те учащиеся, которые могут стать жертвой интернет-травли. Респонденты с высоким уровнем более вероятно окажутся в позиции «жертвы» в интернет-пространстве.

В соответствии с результатами по шкале «Негативные эмоции» можно разбить выборку на следующие уровни: высокий (36%), средний (45%), низкий (19%). Таким образом, большая часть испытуемых обладает средним уровнем, что определяет наличие опыта негативного отклика в Интернете среди респондентов.

Киберагрессивность у большей части выборки слабо выражена (49%), средний уровень свойственен 30% учащимся и, наконец, высокий уровень у 21%. Это позиция агрессора в Сети, обидчика. У обучающихся с высоким и средним уровнями прослеживается определенная предрасположенность к киберагрессии.

Интересно, что при детальном анализе результатов были выявлены случаи двойственности позиции «кибервиктимность» и «киберагрессивность». У шести респондентов встречается сочетание высоких уровней или высокого и среднего уровней. Основой данного феномена является специфика кибербуллинга – анонимность, при которой подросток может играть несколько ролей одновременно.

По последней шкале можно отследить, что большинство респондентов чувствуют включенность взрослых на высоком уровне (41%), на среднем (34%), на низком (25%).

Для определения пригодности r -критерия Пирсона математического анализа данных были просчитаны показатели асимметрии (А) и эксцесса (Е). Для нашей выборки ($n = 53$) критическое значение $A = 0,963624112$, $E = 2,926050924$. Ни одна из шкал не превышает критический уровень значимости, на основании чего мы делаем вывод, что выборка характеризуется нормальным распределением (не превышает критических значение А и Е), таким образом, позволяет использовать параметрический r -критерий Пирсона.

Нами был проведен корреляционный анализ для выявления статистически значимых взаимосвязей внутри методики, который представлен в табл. 3.

Таблица 3

**Корреляция между шкалами методики
«Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете»**

Шкалы	Значения коэффициента корреляции Пирсона		
	Негативные эмоции	Киберагрессия	Помощь, участие взрослых
Кибервиктимность	0,363417854	0,050913195	-0,39899
Негативные эмоции		0,066833047	-0,32026
Киберагрессия			-0,11891
Для $k = 50$: $p < 0,05$ (0,273); $p < 0,01$ (0,354)			

Таким образом, выявлена корреляция между шкалами «Негативные эмоции» и «Кибервиктимность», можно сформулировать идею о том, что человек, склонный к позиции жертвы в Интернете, испытывал негативную эмоциональную реакцию в цифровом пространстве. Обратная корреляция между «Кибервиктимностью» и «Помощью, участием взрослых»; «Негативными эмоциями» и «Помощью, участием взрослых» говорит о том, что включение педагогов, родителей, администрации позволяет снизить уровень травли в Интернете.

Результаты диагностики по методике «Тест Кеттелла, 14PF/HSPQ» представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Соотношение уровней выраженности каждого фактора личности по методике
Р. Б. Кеттелла**

Фактор	Низкий уровень, %	Средний уровень, %	Высокий уровень, %
А (общительность)	19	57	24
В (интеллект)	24	55	21
С (эмоциональная стабильность)	32	38	30
Д (возбудимость)	25	41	34
Е (доминантность)	41	38	21
Ф (беспечность)	38	28	34
Г (мораль)	38	26	36
Н (смелость)	26	49	25
І (чувствительность)	51	38	11
Ј (неврастения)	43	42	15
О (тревожность)	21	75	4
Q2 (самостоятельность)	28	49	23
Q3 (самоконтроль)	13	79	8
Q4 (напряженность)	34	47	19
Показатель	1-3	4-7	8-10

Большая часть выборки характеризуется следующими показателями: средний уровень общительности (57%), средний уровень интеллекта (55%), средний уровень эмоциональной стабильности (38%), средний уровень возбудимости (41%), низкий уровень доминантности (41%), низкий уровень беспечности (38%), низкий уровень нормативности (38%), средний уровень смелости (49%), низкий уровень чувствительности (51%), низкий уровень неврастения (43%), средний уровень тревожности (75%), средний уровень самостоятельности (49%), средний уровень самоконтроля (79%), средний уровень напряженности (34%).

Для данной методики также был проведен анализ показателей А и Е. Все шкалы находятся в пределах критических значений, что позволяет проанализировать корреляцию по r -критерию Пирсона. Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Корреляция между шкалами методик «Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете» и «Тест Кеттелла, 14PF/HSPQ»

Факторы по Кеттеллу \ Шкалы по Вихман	Кибервиктимность	Негативные эмоции	Киберагрессивность	Помощь взрослых
А	-0,285377832	-0,436737222	-0,03828144	0,20055043
В	-0,004205262	-0,148017572	-0,112372729	0,216476878
С	-0,15762362	-0,394350108	-0,299216297	0,268326692
D	0,152331115	0,027780187	0,252040473	-0,188750916
Е	0,006259544	-0,041997517	0,276338215	-0,215063581
F	0,045645562	0,158778521	0,253208172	-0,171677466
G	-0,037788316	-0,294549318	-0,123075235	0,160285914
H	-0,225418138	-0,072699265	-0,058552185	0,00360787
I	0,263795763	0,285995442	-0,145157162	-0,165472813
J	0,21288706	0,185745554	-0,056043477	-0,315586017
O	-0,22041	0,095332	-0,10168	0,137802
Q2	-0,17608	-0,20769	0,296749	-0,05318
Q3	0,085651	0,024995	0,104655	-0,05736
Q4	0,33182	0,089872	0,29231	-0,2431
Для $k = 50$: $p < 0,05$ (0,273); $p < 0,01$ (0,354)				

Таким образом, мы можем говорить о статистически достоверной связи между шкалами: «Кибервиктимность»/«А»; «Кибервиктимность»/«Q4»; «Негативные эмоции»/«А»; «Негативные эмоции»/«С»; «Негативные эмоции»/«G»; «Негативные эмоции»/«I»; «Киберагрессивность»/«С»; «Киберагрессивность»/«Е»; «Киберагрессивность»/«Q2»; «Киберагрессивность»/«Q4»; «Помощь взрослых»/«J».

Позиция жертвы в кибербуллинге влияет не только на эмоциональную сферу обучающегося, как было выявлено ранее, но и на фактор А – общительность. Обратная корреляция говорит о том, что дети, подвергшиеся кибербуллингу, становятся более замкнутыми. А негативные эмоции, которые также взаимосвязаны с позицией кибервиктимности, в свою очередь, оказывают влияние на многие сферы жизни подростка. Так, при высоком уровне негативного эмоционального фона формируются замкнутость, эмоциональная нестабильность, низкая нормативность, высокая чувствительность.

Киберагрессивность как позиция преследователя в кибербуллинге взаимосвязана со следующими личностными факторами: эмоциональная нестабильность,

стремление к самоутверждению, конформность (групповая зависимость), напряженность. Отсюда можно сделать вывод, что участники кибербуллинга вне зависимости от роли под влиянием этого явления приобретают неблагоприятные личностные черты на негативном эмоциональном фоне.

В соответствии с полученными данными можно сделать вывод, что включенность взрослых значительно снижает неврастению подростка, делает обучающихся более энергичными, социальными, нормативными. Для респондентов с низкими показателями по данной шкале характерна интроспективность, такие дети более сдержанны, предпочитают индивидуальную работу, находят меньше друзей, не придавая значения социальным контактам.

Заклучение / Conclusion

Подводя итог, можно сделать вывод, что тема кибербуллинга действительно актуальная и требует большого включения всех участников педагогического процесса. Мы уже не представляем современный мир без использования цифровых технологий в различных сферах жизни общества, в т. ч. образования. Безусловно, информатизация образовательного процесса влечет за собой множество позитивных моментов, таких как дистанционное обучение, красочные педагогические средства, интерактивность и т. д.

Стоит учитывать и те риски, которые могут нарушить образовательный процесс. Ключевая опасность – кибербуллинг, травля в Интернете, отличительными особенностями которого являются анонимность, регулярность, преднамеренность, публичность. Стоит отдельно рассматривать анонимность как основной признак кибербуллинга. Благодаря конфиденциальности в Сети подросток может менять роли кибербуллинга, например, переходя с одного аккаунта в другой, тем самым испытывая себя в роли агрессора, жертвы, наблюдателя одновременно, что было выявлено в нашем исследовании.

Были сформированы психологические портреты жертвы и обидчика. На основании математического анализа числовых значений шкал методик «Опросник кибербуллинга и агрессии в интернете» и «Тест Кеттелла, 14PF/HSPQ» были сформулированы те личностные характеристики, которые присущи кибервиктимности и киберагрессивности.

Стоит отметить тот факт, что шкала «Помощь взрослого» имеет отрицательную корреляцию с кибервиктимностью и негативными эмоциями, испытываемыми подростками. Отсюда включенность взрослых, ощущение у обучающихся заинтересованности в них значительно снижают не только виктимность, но и те характеристики, которые статистически взаимосвязаны с ней, т. е. посредством активной педагогической работы такой риск информатизации, как кибербуллинг, значительно минимизируется.

Таким образом, все задачи исследования решены, а цель достигнута. Нами были выявлены личностные особенности, сформированные у обучающихся, подвергнутых влиянию кибербуллинга в образовательном пространстве. Отмечается необходимость проведения дальнейших исследований для уточнения и систематизации полученных данных.

Нужда не только в теоретическом обосновании, но и в эмпирическом подтверждении определяется большой практикоориентированностью заданной темы. Последующее изучение кибербуллинга в образовательном пространстве позволит получить больше информации о выделенном явлении и, как следствие, разработать коррекционную программу, универсальный инструментарий. Видим перспективу исследования проблемы в контексте влияния интернет-травли на процессы обучения и формирования коммуникативной компетентности в подростковом возрасте, так как в этот период вопросы межличностного взаимодействия наиболее важны.

Ссылки на источники / References

1. The World's First Definition of "Cyberbullying" // Cyberbullying.ca: сайт. – URL: <http://www.cyberbullying.ca/>
2. Coutinho L., Lencastre J. A., Tomás A. M. Cyberbullying: a comparative analysis between the results of a scoping study and a questionnaire applied to students // *Frontiers in Computer Science*. – 2025. – Vol. 7. – Article 1506046. DOI: 10.3389/fcomp.2025.1506046.
3. Patchin J. W., Hinduja S. Measuring cyberbullying: implications for research // *Aggression and Violent Behavior*. – 2015. – Vol. 23. – P. 69–74.
4. Стукало И. С. Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых // *Молодой ученый*. – 2020. – № 2 (292). – С. 218–220. – URL: <https://moluch.ru/archive/292/66081>
5. Путинцева А. В. Механизмы защиты личности от кибербуллинга в Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. – 2020. – Т. 10, № 6А. – С. 108–115. DOI: 10.34670/AR.2020.43.34.012.
6. Назаров В. Л., Авербух Н. В. Реакция на наблюдаемую травлю и её связь с гендерным фактором // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2024. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reaksiya-na-nablyudaemuyu-travlyu-i-eyo-svyaz-s-gendernym-faktorom>
7. Авербух Н. В. Различия в проявленности типов киберагрессии у представителей разных ролей (жертвы, преследователи, свидетели) внутришкольного и внешкольного кибербуллинга // *Экстремальная психология и безопасность личности*. – 2025. – Т. 2, № 2. – С. 100–120.
8. Блинова Д. Н., Гурина О. Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике // *Психология и право*. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 150–160. DOI: 10.17759/psylaw.2023130311.
9. Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // *Психология и право*. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 276–295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219.
10. Olweus D. School bullying: development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*. – 2013. – Vol. 9, No. 1. – P. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
11. Wang S., Kim K. J. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying // *The Social Science Journal*. – 2021. – Vol. 61, No. 4. – P. 853–862. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826.
12. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying: Research Brief No. RBX03-062006. – London: DfES, 2006. – 69 p.
13. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // *Psychological Bulletin*. – 2014. – Vol. 140, No. 4. – P. 120–137.
14. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // *Образование и наука*. – 2022. – № 2. – С. 169–205.
15. Bargh J. A., McKenna K. Y. A. The Internet and social life // *Annual Review of Psychology*. – 2004. – Vol. 55. – P. 573–590.
16. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // *Вопросы образования*. – 2021. – № 3. – С. 62–90.
17. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // *Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды*. – М.: Педагогика, 1989. – С. 60–77.
18. Бобровникова Н. С., Пазухина С. В., Куликова Т. И. [и др.]. Информационно-психологическая безопасность: профилактика кибербуллинга в современной образовательной среде: монография. – Чебоксары: Среда, 2025. – 216 с.
19. Бобровникова Н. С. Кибербуллинг: виды и особенности проявления // *МНИЖ*. – 2022. – № 11 (125). – С. 67.
20. Ragusa A., Núñez-Rodríguez S., Vaz P. [et al.]. Влияние кибербуллинга на академическую успеваемость и психосоциальное благополучие итальянских студентов // *Children (Basel)*. – 2024. – Vol. 11, No. 8. – Article 943. DOI: 10.3390/children11080943.
21. Takizawa R., Maughan B. Adult health outcomes of childhood bullying victimization: Evidence from a five-decade longitudinal British birth cohort // *American Journal of Psychiatry*. – 2014. – Vol. 171, No. 7. – P. 777–784.
22. Санина Е. И., Дегтярев Е. А. Профилактика кибербуллинга как цель социализации подростков в условиях цифровой среды // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2020. – № 68-4. – С. 141–143.
23. Остапчук С. В., Лопатина Е. В. Повышение осведомленности учителей по профилактике кибербуллинга у подростков // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки*. – 2021. – № 15. – С. 91–93.
24. Кудакова Н. С. Профилактика кибербуллинга как формы девиантного поведения в начальной школе // *Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas*. – 2023. – № 1. – С. 92–98.
25. Газизьянов Т. А., Мансурова З. Р. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. – 2023. – № 4 (16). – С. 89–92.
26. Крамер Е. А. Воспитание ответственного поведения младших школьников в условиях информатизации образовательного процесса: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Томск, 2018. – 24 с.
27. Бородин В. Н. Роль детско-родительских отношений в возникновении кибербуллинга // *Мир науки, культуры, образования*. – 2023. – № 1 (98). – С. 138–141.
28. Гаджиева М. А., Магомедова А. А. Тишина боли: цифровая и реальная агрессия в подростковой среде России и Дагестана в 2023–2024 гг. и стратегии сопротивления // *Юный ученый*. – 2025. – № 11 (96). – С. 129–131.

29. Никулина Э. А. Организационно-педагогическая система профилактики насилия над детьми в семье: дис. ... канд. пед. наук. – Саратов, 2004. – 183 с.
 30. Бутарева Т. С. Работа педагогов по профилактике кибербуллинга в школьном коллективе // Символ науки. – 2023. – № 3-2. – С. 110–111.
 31. Tay E. M. K. Revisiting the Definition of Bullying in the Context of Higher Education // International Journal of Bullying Prevention. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.1007/s42380-023-00199-1>
 32. Menin D., Guarini A., Mameli C. et al. Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective // International Journal of Clinical and Health Psychology. – 2021. – P. 1–8. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2021.100221>
 33. Вихман А. А., Волкова Е. Н., Скитневская Л. В. Психометрическая проверка опросника кибербуллинга и агрессии в Интернете // Вестник Мининского университета. – 2023. – № 4.
 34. Рукавишников А. А., Соколова М. В. Факторный личностный опросник Кеттелла: метод. руководство. – СПб.: ИМАТОН, 2006. – 96 с.
 35. Låftman S. B., Östberg V., Modin B. School Leadership and Cyberbullying – A Multilevel Analysis // Int. J. Environ. Res. Public Health. – 2017. – 14. – P. 1226.
-
1. "The World's First Definition of "Cyberbullying", *Cyberbullying.ca: sajt*. Available at: <http://www.cyberbullying.ca/> (in Russian).
 2. Coutinho, L., Lencastre, J. A., & Tomás, A. M. (2025). "Cyberbullying: a comparative analysis between the results of a scoping study and a questionnaire applied to students", *Frontiers in Computer Science*, vol. 7, article 1506046. DOI: 10.3389/fcomp.2025.1506046 (in English).
 3. Patchin, J. W., & Hinduja, S. (2015). "Measuring cyberbullying: implications for research", *Aggression and Violent Behavior*, vol. 23, pp. 69–74 (in English).
 4. Stukalo, I. S. (2020). "Opredelenie ponyatiya kiberbullinga na osnovanii issledovanij zarubezhnyh i otechestvennyh uchenykh" [Definition of the concept of cyberbullying based on research by foreign and domestic scholars], *Molodoj uchenyj*, № 2 (292), pp. 218–220. Available at: <https://moluch.ru/archive/292/66081> (in Russian).
 5. Putinceva, A. V. (2020). "Mekhanizmy zashchity lichnosti ot kiberbullinga v Rossijskoj Federacii" [Mechanisms for protecting individuals from cyberbullying in the Russian Federation], *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, t. 10, № 6A, pp. 108–115. DOI: 10.34670/AR.2020.43.34.012 (in Russian).
 6. Nazarov, V. L., & Averbuh, N. V. (2024). "Reakciya na nablyudaemuyu travlyu i eyo svyaz' s gendernym faktorom" [Reaction to occurred bullying and its connection with gender], *International Journal of Open Information Technologies*, № 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reaktsiya-na-nablyudaemuyu-travlyu-i-eyo-svyaz-s-gendernym-faktorom> (in Russian).
 7. Averbuh, N. V. (2025). "Razlichiya v proyavlenosti tipov kiberagressii u predstavitelej raznyh rolej (zhertvy, presledovateli, svideteli) vnutrishkol'nogo i vneshkol'nogo kiberbullinga" [Differences in the manifestation of cyber aggression types among representatives of different roles (victims, persecutors, witnesses) of intra-school and extra-school cyberbullying], *Ekstremal'naya psihologiya i bezopasnost' lichnosti*, t. 2, № 2, pp. 100–120 (in Russian).
 8. Blinova, D. N., & Gurina, O. D. (2023). "Kiberagressiya i kiberbulling v sudebno-ekspertnoj praktike" [Cyberaggression and cyberbullying in forensic practice], *Psihologiya i pravo*, t. 13, № 3, pp. 150–160. DOI: 10.17759/psylaw.2023130311 (in Russian).
 9. Hlomov, K. D., Davydov, D. G., & Bocharov, A. A. (2019). "Kiberbulling v opyte rossijskih podrostkov" [Cyberbullying in the experience of Russian teenagers], *Psihologiya i pravo*, t. 9, № 2, pp. 276–295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219 (in Russian).
 10. Olweus, D. (2013). "School bullying: development and some important challenges", *Annual Review of Clinical Psychology*, vol. 9, no. 1, pp. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516 (in English).
 11. Wang, S., & Kim, K. J. (2021). "Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying", *The Social Science Journal*, vol. 61, no. 4, pp. 853–862. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826 (in English).
 12. Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., & Tippett, N. (2006). *An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying: Research Brief no. RBX03-062006*, DfES, London, 69 p. (in English).
 13. Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N., & Lattanner, M. R. (2014). "Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth", *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 4, pp. 120–137 (in English).
 14. Nazarov, V. L., Averbuh, N. V., & Bujnacheva, A. V. (2022). "Bulling i kiberbulling v sovremennoj shcole" [Bullying and cyberbullying in modern schools], *Obrazovanie i nauka*, № 2, pp. 169–205 (in Russian).
 15. Bargh, J. A., & McKenna, K. Y. A. (2004). "The Internet and social life", *Annual Review of Psychology*, vol. 55, pp. 573–590 (in English).
 16. Novikova, M. A., Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2021). "Bulling v rossijskih shkolah: opyt diagnostiki rasprostranennosti, polovozrastnyh osobennostej i svyazi so shkol'nym klimatom" [Bullying in Russian schools: practice of diagnosing prevalence, gender and age characteristics and connection with school climate], *Voprosy obrazovaniya*, № 3, pp. 62–90 (in Russian).
 17. El'konin, D. B. (1989). "K probleme periodizacii psicheskogo razvitiya v detskom vozraste" [On the problem of periodization of mental development in childhood], in El'konin, D. B. *Izbrannye psichologicheskie trudy*, Pedagogika, Moscow, pp. 60–77 (in Russian).

18. Bobrovnikova, N. S., Pazuhina, S. V., Kulikova, T. I. et al. (2025). *Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost': profilaktika kiberbullinga v sovremennoj obrazovatel'noj srede* [Information and psychological security: prevention of cyberbullying in the modern educational environment]: monografiya, Sreda, Cheboksary, 216 p. (in Russian).
19. Bobrovnikova, N. S. (2022). "Kiberbullying: vidy i osobennosti proyavleniya" [Cyberbullying: types and manifestations], *MNIZh*, № 11 (125), p. 67 (in Russian).
20. Ragusa, A., Núñez-Rodríguez, S., Vaz, P. et al. (2024). "Vliyanie kiberbullinga na akademicheskuyu uspevaemost' i psihosocial'noe blagopoluchie ital'yanskikh studentov" [The Impact of Cyberbullying on Academic Performance and Psychosocial Well-Being of Italian Students], *Children (Basel)*, vol. 11, no. 8, Article 943. DOI: 10.3390/children11080943 (in Russian).
21. Takizawa, R., & Maughan, B. (2014). "Adult health outcomes of childhood bullying victimization: Evidence from a five-decade longitudinal British birth cohort", *American Journal of Psychiatry*, vol. 171, no. 7, pp. 777–784 (in English).
22. Sanina, E. I., & Degtyarev, E. A. (2020). "Profilaktika kiberbullinga kak cel' socializacii podrostkov v usloviyah cifrovoj sredy" [Prevention of cyberbullying as a goal of adolescents' socialization in the digital environment], *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, № 68-4, pp. 141–143 (in Russian).
23. Ostapchuk, S. V., & Lopatina, E. V. (2021). "Povyshenie osvedomlennosti uchitelej po profilaktike kiberbullinga u podrostkov" [Raising teachers' awareness for the prevention of cyberbullying among adolescents], *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki*, № 15, pp. 91–93 (in Russian).
24. Kudakova, N. S. (2023). "Profilaktika kiberbullinga kak formy deviantnogo povedeniya v nachal'noj shkole" [Prevention of cyberbullying as a form of deviant behavior in primary school], *Mir nauki i mysli. The World of Science and Ideas*, № 1, pp. 92–98 (in Russian).
25. Gaziz'yanov, T. A., & Mansurova, Z. R. (2023). "Psihologiya kiberbullinga. Vidy i prichiny kiberbullinga" [The Psychology of Cyberbullying. Types and Causes of Cyberbullying], *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva*, № 4 (16), pp. 89–92 (in Russian).
26. Kramer, E. A. (2018). *Vospitanie otvetstvennogo povedeniya mladshih shkol'nikov v usloviyah informatizacii obrazovatel'nogo processa* [Fostering responsible behavior in primary school students in the context of informatization of the educational process]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk, Tomsk, 24 p. (in Russian).
27. Borodina, V. N. (2023). "Rol' detsko-roditel'skikh otnoshenij v vozniknovenii kiberbullinga" [The Role of Parent-Child Relationships in the Development of Cyberbullying], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, № 1 (98), pp. 138–141 (in Russian).
28. Gadzhieva, M. A., & Magomedova, A. A. (2025). "Tishina boli: cifrovaya i real'naya agressiya v podrostkovoj srede Rossii i Dagestana v 2023–2024 gg. i strategii soprotivleniya" [The Silence of Pain: Digital and Real-World Aggression among Teenagers in Russia and Dagestan in 2023–2024 and Strategies of Resistance], *Yunyj uchenyj*, № 11 (96), pp. 129–131 (in Russian).
29. Nikulina, E. A. (2004). *Organizacionno-pedagogicheskaya sistema profilaktiki nasiliya nad det'mi v sem'e* [Organizational and pedagogical system for the prevention of violence against children in the family]: dis. ... kand. ped. nauk, Saratov, 183 p. (in Russian).
30. Butareva, T. S. (2023). "Rabota pedagogov po profilaktike kiberbullinga v shkol'nom kollektive" [Educators' work on preventing cyberbullying in the school community], *Simvol nauki*, № 3-2, pp. 110–111 (in Russian).
31. Tay, E. M. K. (2023). "Revisiting the Definition of Bullying in the Context of Higher Education", *International Journal of Bullying Prevention*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42380-023-00199-1> (in English).
32. Menin, D., Guarini, A., Mameli, C. et al. (2021). "Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective", *International Journal of Clinical and Health Psychology*, pp. 1–8. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2021.100221> (in English).
33. Vihman, A. A., Volkova, E. N., & Skitnevskaya, L. V. (2023). "Psihometricheskaya proverka oprosnika kiberbullinga i agressii v Internetе" [Psychometric validation of the cyberbullying and online aggression questionnaire], *Vestnik Mininskogo universiteta*, № 4 (in Russian).
34. Rukavishnikov, A. A., & Sokolova, M. V. (2006). *Fakturnyj lichnostnyj oprosnik Kettella: metod. rukovodstvo* [Cattell's Personality Factor Inventory: A Methodological Guide], IMATON, St. Petersburg, 96 p. (in Russian).
35. Låftman, S. B., Östberg, V., & Modin, B. (2017). "School Leadership and Cyberbullying – A Multilevel Analysis", *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 14, p. 1226 (in English).

Вклад авторов

Н. С. Бобровникова – концепция эмпирического исследования, разработка методологии исследования, сбор данных литературы, редактирование текста, доработка текста, итоговые выводы.

А. Д. Хрипкова – проведение исследования, сбор и систематизация данных, интерпретация результатов исследования, сбор данных литературы, написание текста статьи.

Contribution of the authors

N. S. Bobrovnikova – the concept of empirical research, development of research methodology, collection of literature data, text editing, text revision, final conclusions.

A. D. Khripkova – conducting research, collecting and systematizing data, interpreting research results, collecting literature data, writing the text of the article.